

Татьяна КУТУЗОВА

УНИКАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УНИВЕРСАЛЬНОГО ГОРОДА

Город как «...организм, складывающийся из событий, каждое из которых может быть бесконечно большим или бесконечно малым, но вместе с тем заключает в себе все остальные, оставаясь при этом одним-единственным».

Э. УИЛСОН из «Поэтик Джойса» У. ЭКО

В идеальных условиях процесс эволюции градоустройства на каждом этапе одновременных решений градостроительной композиции сохраняет качество «возвращающейся к себе гармонии» [1]. Метафорой подобной композиционной согласованности фрагментов застройки может послужить (цитируя В. Шкловского) устройство лука — палки, согнутой тетивой. «Нагруженность» элементов исторической застройки определяет структурные связи градостроительной композиции, и в целом ее работу — по принципу «напряженной конструкции», воссоздавая пространство, в котором как бы слышится «звук тетивы натянутого лука».

Исследование исторической застройки, рассеянной в структуре современного города, акцентирует проблемы целостности градостроительной композиции. Изменяющиеся условия функционального значения архитектурной формы, а соответственно и ее композиционной значимости, — становятся причиной постоянного обновления градостроительных взаимосвязей, исторической сменности приемов целостности в границах уже существующей застройки. Функциональная составляющая градоустройства, связанная с необходимостью технологического обновления параметров инженерной инфраструктуры, с течением времени оставляет в городе территории «вчерашних» универсалий. Инвариантность функции, постепенно закрепляемая за архитектурным объектом в процессе смены его назначений, — усиливает значимость художественно условного в градоустройстве. Таким образом, эстетическая составляющая градостроительной композиции, в противовес технологическим мотивациям, — с течением исторического времени не только сохраняет свое значение, но и дополняет восприятие объекта значимостью наследия материальной культуры.

Уникальность художественных свойств исторических наслоений градоустройства позволяет выделить такие территории одновременной застройки в отдельный эстетический объект, как ограниченную сплошность в масштабе

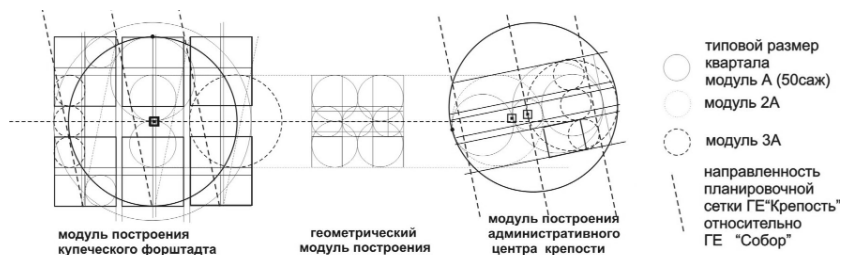
урбанизированной структуры современного города. Культурная «остраненность» исторической застройки не позволяет ее «просчитать» технологичными мерками аналитических нормативов проектирования. Единственным ограничением композиционных обновлений старого города остается преемственность проектных намерений развития города. Тогда, сквозь урбанизированные наслоения, становится зримой наследственность, статично зафиксированной архитектурной массы, которая и составляет уникальные черты портрета города.

В данной работе исследование принципов композиционного градоустройства исторической застройки ограничено планировочными условиями регулярного города и прослеживается в следующих моментах: 1) композиция утраченных смыслов, или принцип загадки, 2) планировочная система как принцип «соподчинения расходящегося» (2.1 — модуль как идеальная основа для мотивации индивидуального; 2.2 — исторические формулы роста (направленности) ортогональной сетки; 2.3 — точка доминанты — «сигнал обновления» системы), 3) портрет города, воплотивший «лица необщье выражень».

1. Композиция утраченных смыслов, или Принцип загадки. Композиция исторической застройки с точки зрения современного градоустройства напоминает условия построения загадки, которая, «скрывая, заставляет перебирать признаки предмета, показывая возможность разнообразного, то есть разносмысленного их соединения» [2].

Масштабные контрасты морфотипов города, разные инженерные технологии — способствуют выведению старого города в закрытую сплошность тайны. Фрагменты исторической структуры, не попадая в систему урбанизированных ориентиров, теряются в масштабе современного города. Случайность их существования обозначена отсутствием напряженной связности доминант. «Старые системы как бы берутся в скобки и воспринимаются целиком» [1]. Формальная несовместимость архитектурных масс, неожиданность ракурсов известного в формате иного градостроительного окружения, инвариантность функций, просматриваемая уже несколькими поколениями горожан, — все это обостряет восприятие застройки в рамках художественной условности. Создается ситуация остранения исторического пространства — «видения его, а не узнавания». Калейдоскопичность разнообразных признаков организации пространства «не дает сразу решить, какому целому принадлежат все они вместе» [2].

Градостроительный перевод «новых понятий по старой структуре» дает «разгадку» исторической застройки, формируя принципы ее преемственного развития [1]. Композиционный поиск возможных взаимодействий компонентов застройки, проведение новых смысловых сопоставлений задает «получение значения» исторической формы градоустройства в обновленной системе

1. Подобие планировочных модулей организации административной части крепости и первого форштадта города

современного города [3]. При этом выразительность условных границ исторических фрагментов усиливается сопоставлением с элементами, однозначность восприятия которых определяется одновременностью их появления и восприятия в городской среде.

Границы, фиксируя эстетическую выразительность внутреннего пространства, определяют наличие внешней — промежуточной территории, — собирающие внешние взаимодействия доминант. «Самый факт пограничности продукта несет в себе потенции художественной выразительности. Момент отграничивающий может обладать очень большой степенью самостоятельности, он может быть выделен в своеобразную промежуточную сферу, которая уже не среда и еще не самый продукт, с чисто формальной функцией двузначного отграничения вовне и вовнутрь» [4].

Эти пограничные территории позволяют, с одной стороны, сохранить своеобразие каждого фрагмента, с другой, — создают начало разобщенности целого. Открытое пространство промежуточных территорий «как бы втягивается в художественный текст, что превращает незавершенность в элемент выражения смысла» [5]. Композиционная нейтральность промежуточных зон способствует проявлению именно здесь новых приемов организации пространства: «перед нами игра на грани, требующая изощренного семиотического чувства и свидетельствующая о сложных динамических процессах, которые, как правило, протекают на периферии искусства еще до того, как захватывают его центральные сферы» [6].

В аспекте планировочных исследований «разгадку» исторической застройки составляют следующие вопросы. Изучение эволюции структурных отношений отдельных компонентов застройки, рассматриваемых как «напряженная» целостность, восстанавливает прошлые смыслы взаимодействия фрагментов застройки. Анализ фактографического материала старого города, направленный на «разделение подобных» фрагментов застройки и «соединения раз-

личных», фиксирует порядок планировочной организации кварталов, задающий направленность архитектурного «жеста» как композиционную напряженность современного градоустройства. Планировочные приемы монтажа разновременных фрагментов застройки, осуществленные на основе поступательно-го накопления новых качеств застройки, или их «сцепления», или «столкновения» [1] формируют основу для восприятия застройки как эстетической сплошности.

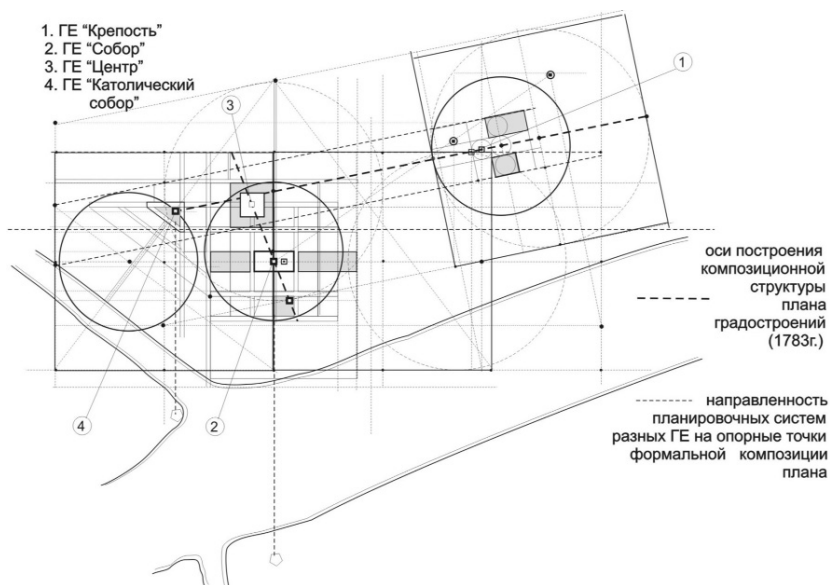
В результате планировочной «разгадки», преемственность градоустройства, предполагающая отбор значимых элементов композиционного порядка, воссоздает композиционную целостность в границах обновленной градостроительной формы.

2. Планировочная сетка как принцип «соподчинения расходящегося». Историческая застройка статично закрепляет в своей планировочной системе технологические универсалии своего времени. Инерционность архитектурной массы, сохраняя культурные образцы прошлого градоустройства, обеспечивает ритмическую созвучность последующего развития застройки. Выделяя следующие параметры планировки: модульная сетка, вектор направленности, фиксирующий связность доминант композиции, — прослеживаются исторические приемы трансформации градоустройства.

2.1. Модуль как идеальная основа мотивации индивидуального. Классическая регулярная система планировки, принимая ценностные критерии индивидуального, рассматривает идеальный образец с позиций «не противостоящих индивидуальному, а реализующихся через него и в нем». Квартальная застройка задает модульную формулу роста градоустройства, при этом повторяющийся метр квартала определяет порядок «возвращающегося построения». Такая организация восприятия доминантных элементов застройки за счет нюансных видоизменений формы позволяет легко «выделить из незнакомого знакомое».

Повторение архитектурных объектов в метрическом режиме обеспечивает безошибочное понимание городской среды. Универсальность повторения приема даже в случае его отсутствия легко дописывается подготовленным зрителем. Введение архитектурного намека на отсутствие повторяемого элемента приобретает значимость пространственного акцента.

Иллюстративным материалом подобной практики нюансных изменений метрики ортогональных повторов служат планировочные системы городов, заложенные в проектах Комиссии по строениям времен Российской империи. Так, заложенная нюансировка планировочного квадрата Херсона (1778 г.) составляет орнаментальный рисунок ядра старого города. Заданная конструкция определяет «векторы напряженности» планировочной сетки, собирающая от-

2. Сонаправленность фигур планировочной композиции Херсона в XIX веке

дельные части в градостроительное целое. Ландшафтная обусловленность характерных точек градоустройства задает индивидуальные черты универсальному приему. В планировочную сетку трехрядной организации «образцовых кварталов», разделяющих застройку верхнего и нижнего плато, вводится градостроительный акцент бульвара, вдоль которого последовательно набираются архитектурные доминанты общественного пространства.

Последующее укрупнение модуля, ракурсные повороты планировочной сетки сохраняют возможность обнаружения созвучных моментов градоустройства, сопоставляя «несходство сходного». Такой подход позволяет вносить частичные изменения фрагментов застройки, «не уничтожая системы (в целом), делать ее частью нового сообщения».

2.2. Исторические формулы роста ортогональной сетки. Регулярная сетка кварталов, заложенная в XVIII в. как метрическое перечисление, — задает антропоморфные установки представления архитектурной формы старого города. Стилистическое разнообразие последующего нарастания застройки, формирует «нагруженность» отдельных фрагментов застройки внутри изначально заданного градоустройства. Модульный план строго ограничивает кварталы, предполагая при этом, существование целого, подобного части.

Территориальный рост квартальной застройки сопровождается проявлением новых качеств универсальной формы, что формирует из повторяющихся частей свои целостности, которые могут быть самостоятельно оценены и сравнимы. Каждая эпоха, определяя новую направленность развития градостроительства, оставляет свои следы авторских предпочтений выбора «нагруженности» частей планировочной композиции, «при котором черты воспринятого сопоставляются в своей несхожести». Композиционные ступени исторических переходов формируют многоплановую значимость архитектурных элементов. Обновленная система, вводя переосмысленные элементы прошлой композиции, приобретает новые мотивировки градостроительных сочетаний.

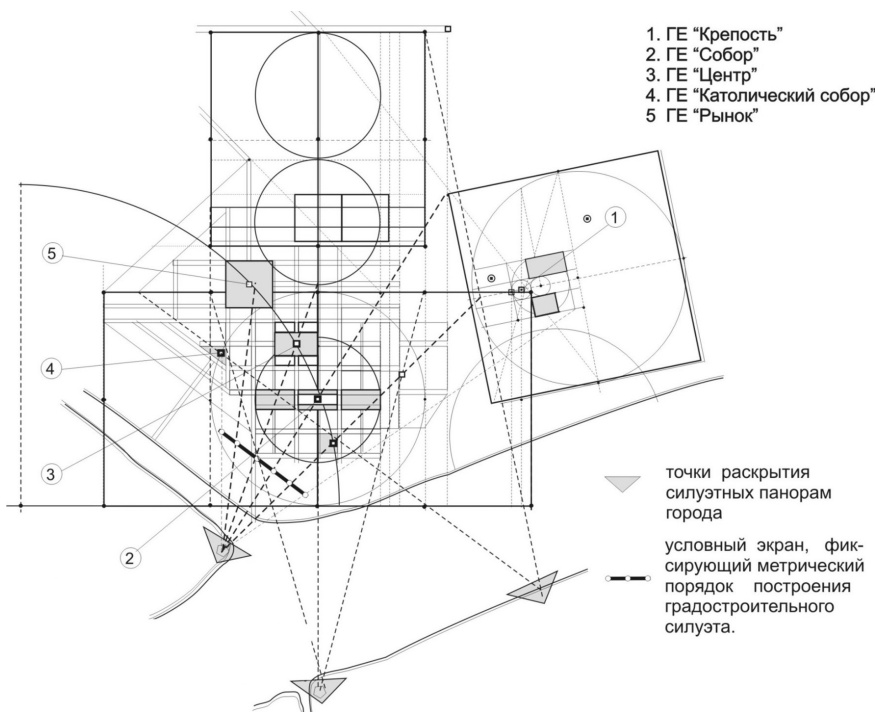
Фактографический материал нарастания городской застройки по планам Херсона конца XVIII — начала XIX в. демонстрирует композиционные принципы академической школы формирования «большого ансамбля». Заложённая точка геометрического центра первых планов Херсона, последовательно акцентируется сонаправленностью последующих доминант застройки.

Наращивание архитектурных масс вдоль главной оси центрального бульвара (ландшафтно закреплённого чертой верхнего и нижнего города) демонстрирует прием организации «сквозного» ориентира, который планировалось завершить монументальными формами панорамной площадкой с видом на устье Днепра. Построение системы доминант городской планировки фиксирует одновременную согласованность нескольких планировочных приемов:

- ракурсного поворота сетки вдоль береговой линии ландшафта — создающих возможность территориального роста города;
- планировочных осей, организующих метрику панорамных видов города с реки, построенных на основе замкнутой схеме композиционного фрагмента.

Акцентирование урбанистических техно-качеств градостроительной композиции создало основу для вычленения антропоморфной структуры города, не предполагая моменты созвучности. Это не противопоставление контрастов, — это становление иного за счет стирания предыдущего или его принципиального «не видения». Свободная планировка вводит лаконичную систему ориентиров вместо нюансной многозначности, переносит акцент общественного пространства с признаков парадной публичной организации на бытовое пространство города (двор, микрорайон), что изменяет идею городского пейзажа.

Соседство регулярной застройки и пятен свободной планировки провоцирует нарастание промежуточных территорий, сохраняющих остроту территории классицистического образца. Современный потенциал промежуточных территорий позволяет использовать их для воссоздания композиционных отношений разновременных доминант современного градостроительства. «Закреплённые формы в искусстве живут изменениями» [1]. По-

3. Композиционная согласованность структурных точек планов Херсона в XIX веке

этому, сама историческая застройка, рассматриваемая на уровне эстетического субъекта, представляет материал для исследования процессов эволюции «генетических связей» градоустройства в рамках длительного художественного процесса [7].

2.3. Точка доминанты — «сигнал обновления» системы. Формальные качества архитектурной доминанты, представляя собой «средоточие» композиционного решения пространства, содержат элементы, отвечающие задачам организации как открытого так закрытого типа (внутреннего) пространства. Так, архитектура храма, фиксирующего классицистическую иерархию публичного пространства, задает внутреннюю собранность окружающего пространства, в тоже время, — новая точка проявления доминанты суммирует композиционные возможности данной ситуации, прослеживая направленность уже существующих ориентиров. Композиционная согласованность доминанты и ориентира закрепляется решением промежуточной территории, которая с одной

стороны — разделяет подобные доминанты структуры, статично зафиксированных свойств (иконография формы), а с другой стороны, — собирает их, обращаясь к динамичным свойствам ориентира (по принципу работы иконологического знака) [8].

Временная условность признаков организации внешнего и внутреннего пространства статично оформленной архитектурной доминанты задает подвижность территориальных границ такого «промежутка».

Каждый этап эволюции градоустройства, собирая историческую застройку в новую целостность, выделяет собственные элементы «сердцевины как творческого акта репродукции» сложившейся застройки [7].

Сопоставление разновременных фрагментов застройки чаще демонстрируют «не столько традицию, сколько отрицание» предыдущего градоустройства. Архитектурный «сигнал» фиксирует условия композиционного обновления как проектного намерения, изменяющего видение системы градоустройства в целом. Историческая застройка создает условия более яркого восприятия «сигналов» архитектурной формы, поскольку «вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий» [1].

Фактографический материал исторического становления взаимосвязей «доминанта — ориентир» позволяет произвести типологию архитектурных элементов, значимость которых видоизменила «прежнюю целостность» градоустройства, зафиксировав сеть промежуточных территорий в новых границах.

3. Портрет города, воплотивший «лица необщье выраженье». В эволюционном процессе градоустройства историческая застройка проявляет композиционную двойственность своего значения. С одной стороны, утраченная со временем согласованность архитектурных сигналов, требует постоянного обновления застройки, при этом проектный выбор новых элементов обусловлен в большей степени аналитическими параметрами композиции. С другой стороны, — градостроительная смесь разновременных фрагментов, составляет тот уникальный материал, который синтезируя средовые качества пространства, представляет образ города, так как «именно время ... придает городу то неповторимое и прекрасное лицо, уподобляя дело суетных и временных рук человеческих природе и самой жизни» [9]. Оценить средовые качества пространства представляется возможным, обращаясь к приемам художественной интерпретации.

Жанровые подходы описания «сплошности исторической застройки», используя портретные характеристики города и вещественность натюрмортных свойств застройки, выделяют художественные свойства застройки как эстетического объекта.

Портрет акцентирует черты исторической застройки, фиксирующих раз-

ное состояние архитектурного времени как «ставшего события» tempo в статично оформленном пространстве и времени *duree* как «текущей длительности» изменений, формирующей новое качество [4]. Неравномерность распределения композиционной динамики создает запоминающиеся кадры восприятия застройки «в фокусном сосредоточении».

В целом, городской портрет наполнен ассоциативными связями пространства. Инерционность исторической застройки задает некоторую «усредненность» восприятия градостроительной композиции, подобно «включению в некоторый язык, с точки зрения которого одни элементы признаются существующими и имеющими значение, а другие — несуществующими» [6]. Насыщенность фона позволяет зрительно организовать плотное пространство вокруг доминанты, подчеркивая уникальность формы.

В рамках интерпретации натюрмортных признаков застройки, фиксируется преобладание предметных характеристик пространства. Утрированная иллюзорность «вещественных» качеств пространства подчеркивает важность социокультурного контекста застройки [10]. При этом формальные качества архитектурного элемента — вещи «обрастая знаковыми признаками, превращаются в эмблему» данной территории [6].

Современный город, используя художественные приемы монтажа исторической хронологии: уплотняя отдельные фрагменты, разворачивая или сжимая их в процессе восприятия либо переставляя их значимость — представляет городскую среду вне бытового времени, характерную для единовременного городского пространства. Условные приемы укрупнения масштаба «смыслового центра», введение «сжатого пространства» перед раскрытием — опираются на использование композиционного потенциала промежуточных территорий, — пограничных барьеров внутренне собранных единиц городского пространства.

В этой статье исследование моментов целостности исторической застройки, включая аналитические параметры планировочной композиции и ее средовых качеств как «не проявленной или «свернутой» сложности», была акцентирована роль промежуточных территорий как синтезирующего компонента гармонизации процессов градоустройства.

1. Шкловский В. Б. Тетива: О несходстве сходного // Шкловский В. Б. Избранное: В 2 т. — М., 1983. — Т. 2.

2. Протт В. Я. Морфология «волшебной» сказки. — М., 1998.

3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика / Пер. с нем.; Под ред. Мих. Лифшица: В 4 т. — М., 1971. — Т. 3.

4. Габричевский А. Г. Морфология искусства. — М., 2002.

5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М., 1988.

6. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. — СПб, 1998.
7. *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / Пер. с нем. — СПб, 2000.
8. *Пучков А. А.* Поэтика античной архитектуры. — К., 2008.
9. *Битов А. Г.* Путешествие из России. — М., 2003.
10. *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. — М., 1993.